

РАЗВЕДОЧНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ НА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ВИТЕБСКОГО РАЙОНА В 2017 ГОДУ

*Т.С. Бубенько
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Вопрос об этнической принадлежности населения Белорусского Подвинья во второй половине I тыс. н.э. в контексте возникновения белорусской государственности имеет особую актуальность. Решение его возможно лишь через изучение сельских поселений, являющихся основной поселенческой структурой раннего средневековья. Исследованием раннесредневековых поселений Витебского Подвинья с целью установления путей и времени заселения региона славянами обусловлена актуальность выполнения в рамках ГПНИ на 2016–2020 гг. задания «Население Витебского Подвинья в I-м – начале II-го тысячелетия н.э.»

Материал и методы. В основу статьи положены авторские материалы разведок поселений Витебского Подвинья в 2017 г., архивная отчетная документация предшественников, проводивших археологические исследования в изучаемом регионе. При написании текста были использованы общенаучные, общелогические, а также специально-исторические методы

Результаты и их обсуждение. В рамках задания ГПНИ на 2016–2020 гг. «Население Витебского Подвинья в I-м – начале II-го тысячелетия н.э.» весной-летом 2017 г. силами волонтеров и студентов-практикантов исторического факультета были проведены разведочные работы на археологических памятниках в округе Витебска.

Археологический комплекс у д. Мяклово Витебского района Витебской области расположен на правом берегу реки Лучесы, в 1,5–2,5 км от деревни. Комплекс включает городище, два селища и курганный могильник. Городище находится в 2,5 км к югу от д. Мяклово в ур. Любашково в 0,7 км от берега реки. Селище локализовано в 0,7–0,8 км северо-западнее городища на высоком коренном берегу Лучесы между вышеупомянутой речушкой и небольшим оврагом. По подсчетам Г.В. Штыхова его размеры были 150 x 150 м. На краю поселения у кромки воды расположен курганный могильник из 4 насыпей, остальные курганы распаханы.

Отдельные объекты комплекса известны в археологической литературе с 1959 г. Во время разведок Л.В. Алексеев обследовал курганный могильник на правом берегу р. Лучесы, насчитывающий тогда 6 насыпей, пригодных для изучения [1, с. 15]. Правда, информация о городище и селище в отчетах исследователя отсутствует. Поэтому первооткрывателем поселений следует, без сомнения, считать Г.В. Штыхова, который в 1972 г. не только обнаружил городище и селище, снял планы всех трех объектов комплекса, но и провел небольшие раскопки на городище. На селище Г.В. Штыховым собран подъемный материал, отнесенный к третьей четверти I тыс. н.э. и к X–XI вв. Кроме того, произведена зачистка обнажения культурного слоя в обрыве р. Лучесы, где его мощность ставила 0,5–0,6 м. Исследователь пришел к выводу, что курганный могильник не только насыпан на месте селища, но и предположил, что насыпи сооружены из культурного слоя [2, с. 29–32].

Разведочные изыскания на селище были произведены Т.С. Бубенько летом 2017 г. в рамках археологической практики студентов исторического факультета университета. Между курганными насыпями № 1 и № 2 в 40 м от кромки воды р. Лучесы было заложено два шурфа 4 x 2 м. Стратиграфия слоя в шурфах очень напоминала стратиграфию городища. Это однородная по цвету и составу супесь серого цвета, в северной части шурфа № 1 и в южной части шурфа № 2 в слое присутствуют зольные включения. Мощность культурного слоя колеблется от 35–40 до 70 см, наибольшая глубина приходится на центральную часть шурфов.

Массовый материал – керамика, в слое распределен неравномерно. Основная часть артефактов (до 74%) приходится на второй раскопчный пласт. Здесь же встречены и две индивидуальные находки: фрагмент лезвия ножа и фрагмент чернолощеного сосуда-вододея с протомай барана (шурф № 1). Последняя находка заслуживает особого внимания. Слив вододея – «мургоби» оформлен в виде головы барана с закрученными в тугую спираль рогами. На рогах имеются косые насечки. Глаза животного оформлены в виде налипных кольцевидных валиков. Известно, что культ барана был широко распространен у сырдарьинских племен: огузов и туркменов. К.М. Байпаков реалистически выполненные протомы баранов относит ко второй хроно-

логической группе и датирует их VIII–XII вв. [3, с. 35]. Наиболее близкая аналогия нашей находке найдена в долине Кетмен-Тюбе (Киргизия) и датируется III–V веками.

В целом в шурфах обнаружено довольно много фрагментов гончарных горшков (193 фрагмента), найдены кусочки глиняной обмазки, которая могла относиться к жилым объектам, не вошедшим в зону исследований.

Собранный на вспаханном поле подъемный материал: фрагменты гончарной и лепной керамики, позволил подкорректировать первоначальную площадь селища. Южнее курганного могильника недалеко от впадения в Лучесу безымянной речушки в обрыве берега реки зафиксирован культурный слой мощностью 0,5–0,8 м. Присутствует керамика и на возвышенности известной как «Княжье поле», расположенной севернее оврага, правда, мощность слоя здесь не превышает 0,35 м, к тому же он подвергается постоянной распашке. Таким образом, общая площадь селища – 1 могла быть не менее чем 2 га.

В процессе разведок магистрантом университета М. Кислюком было выявлено еще одно средневековое селище -2. Оно располагалось южнее селища -1 на левом берегу безымянной речушки. Размеры поселения около 140–150 м по линии север-юг и до 200 м с востока на запад. Зондаж показал, что мощность слоя в северном направлении местами достигает 0,6 м. Подъемный материал невыразителен: небольшие фрагменты гончарных стенок горшков и несколько венчиков, что пока не позволяет оценить потенциал памятника.

В 5 км вверх по течению р. Лучесы при впадении в нее р. Суходровки в 1972 г. Г.В. Штыхов локализовал три селища древнерусского времени (привязка к д. Кузменцы). Одно из них площадью не менее 2 га располагалось на моренной возвышенности правого берега Лучесы между р. Суходровкой и безымянным оврагом [4, с. 20].

Разведочные шурфы были заложены с двух сторон поселения. Со стороны р. Суходровки мощность культурного слоя не превышает 0,3–0,4 м, к оврагу она увеличивается до 0,65–0,8 м. Причем со стороны последнего слой имеет не серую, как на остальной территории селища, а почти черную окраску. Небольшое валообразное возвышение отделяет участок с серым слоем от остальной части поселения. Возможно, это культурный слой, сдвинутый к краю площадки во время сельскохозяйственных работ, но не исключено, что мы имеем дело с распаханым участком оборонительного вала городища – убежища или укрепленного феодального двора. В пользу существования на мысу обособленного поселения косвенно свидетельствуют удобное топографическое местоположение, большая мощность культурного слоя, нехарактерная для остальной части селища, насыщенность его артефактами. Расположенное на луческом отрезке пути «из варяг в греки» поселение у д. Кузменцы, судя по комплексу находок (шиферное пряслице, формы керамических сосудов), может быть датировано IX–XIII вв. К IX–X вв. относится и клад из куфических монет, шейных гривен и перстней со вставками, обнаруженный недалеко от устья Суходровки в XIX веке.

Наиболее перспективным памятником для дальнейшего изучения является селище у д. Зароново, детально обследованное волонтерами факультета весной 2017 г. Более полувека оно считалось потерянным для науки, поскольку в 1964 г. городище и прилегающее к нему укрепленное поселение были уничтожены во время строительства дороги. В 2017 г. нами было заложено два разведочных шурфа по 8 кв.м и несколько зондажей 1x1м, что позволило установить размеры селища, опоясывающего с трех сторон городище. Площадь сохранившейся части поселения не менее 2–2,5 га. К счастью, в зоне исследований культурный слой был «in situ», его мощность достигала 0,8 м. Стратиграфически и хронологически вычленено два слоя: серой и интенсивно черной окраски. В предматериковом пласту, содержащем зольные включения, сохранились развалы печей-каменок, где среди камней собрана керамика типа верхнего слоя Тушемли (VI–VIII вв.). Невероятно высокая насыщенность слоя лепной керамикой, железными шлаками, костями домашних и диких животных является свидетельством интенсивной жизни на поселении на протяжении второй половины 1 тыс. н.э. Судя по наблюдениям предшественников, зафиксировавших в 60 – начале 70 гг. XX века неразрушенную часть городища, оно имело три линии обороны. Причем, вал по краю площадки высотой до 5 м был возведен уже после перехода людей на селище [5, с. 9–13]. Это указывает на то, что городище использовалось лишь в качестве убежища, в то время как повседневная жизнь населения протекала на селище на берегу р. Горожанки.

Закключение. Таким образом, разведочные изыскания 2017 г. в окрестностях Витебска позволили не только локализовать и обследовать раннесредневековые сельские поселения, которые, к сожалению, в настоящее время подвергаются разрушению в процессе хозяйственной деятельности людей, но и определить наиболее перспективные памятники для будущих раскопок.

1. Алексеев, Л.В. Отчет о полевых археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции летом 1959 г./ Л.В. Алексеев// ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1960. – Д.№186. – 39 с.
2. Байпаков, К.М. Культ барана у сырдарьинских племён / К.М. Байпаков // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.- Алма-Ата, 1980.- С. 32-45.
3. Штыхов, Г.В. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Витебского отряда в 1972 г./ Г.В. Штыхов //ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»– Минск, 1973. – Д.№413. – 86 с.
4. Штыхов, Г.В. Отчет об исследованиях в Витебской области в 1973 г. / Г.В. Штыхов //ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»– Минск, 1974. – Д.№454. – 112 с.
5. Шут, К.П.Отчет о полевых археологических работах в 1964 году/ К.П. Шут //ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»– Минск, 1965. – Д.№ 237. – 63 с.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1958–1964 ГГ.

*А.Г. Василицын
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Государственно-церковные отношения являются составной частью общественного диалога, способствуют развитию в обществе понимания ценности историко-культурного и духовного наследия. Исследование особенностей формирования и применения религиозного законодательства в исторической перспективе способствует оптимизации государственно-церковных отношений в современном обществе.

Цель работы – охарактеризовать правовое поле государственно-церковных отношений в годы антицерковной кампании 1958–1964 гг.

Материал и методы. Для подготовки статьи использовались фонды Национального архива Республики Беларусь. Среди исследований, которые раскрывали проблему отношений государства и церкви, следует выделить монографию М.В. Шкаровского [1], в которой анализировались причины антицерковной кампании. Т.А. Чумаченко [3] в исследовании рассматривала законодательство о культурах. Методологическую основу составили принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма применялся при установлении причинно-следственных связей в развитии государственно-церковных взаимоотношений. Принцип объективности использовался при анализе достоверности имеющихся научных фактов с учетом субъективности источников. В работе применялись общенаучные методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а также специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. Переход к антирелигиозной кампании в значительной степени был обусловлен изменениями в партийном руководстве СССР. В Президиуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев опирался на группу идеологов, которые выступали против сложившегося в послевоенные годы терпимого отношения к религии, трактуя его как пережиток сталинизма, с которым необходимо порвать. По мнению М.В. Шкаровского не последнее место в наступлении государства на церковь занимали и экономические расчеты [1, с. 360–361].

Первым актом, характеризующим изменения государственного курса, стало постановление от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В нем отмечалось, что проводимая в Советском Союзе религиозная политика привела к многочисленным ошибкам. Основными из них, по мнению партийных идеологов, являлись содействие работников местных органов власти духовенству в решении хозяйственно-бытовых вопросов и помощь, которую они оказывали религиозным организациям. Особой критике подверглась деятельность Совета по делам РПЦ и его уполномоченных на местах. В связи с этим всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось осуществить мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин.